

И. К. Луппол

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА ¹

С волнением необычайным выхожу я на эту торжественную трибуну. Говорить о Пушкине, о родном и близком для всех нас, стихи которого с детства запечатлелись в нашей памяти, — задача труднейшая, но и радостная. Говорить о Пушкине после Гоголя и Белинского, после Герцена и Чернышевского — задача тяжелейшая и вместе с тем безотлагательная.

Пушкин создал русский литературный язык, Пушкин был родоначальником новой русской литературы, Пушкин обогатил человечество бессмертными произведениями художественного слова. Это так! И это знали уже и великий сатирик Гоголь, и «неистовый Виссарион». Но мы не просто повторяем эти слова, мы вкладываем в них новое, более богатое содержание, ибо новое и более богатое содержание вложила в них история. Мы собрались сегодня, в день столетия гибели Пушкина, и мы собрались в год Сталинской Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Созданный Пушкиным русский литературный язык в процессе Октябрьской социалистической революции стал близким, общепринятым у всех народов Советского Союза. Новая русская литература, родоначальником которой был Пушкин, стала советской литературой.

Обогащение человечества бессмертными пушкинскими произведениями приняло поистине грандиозный размах.

Мы собрались сегодня, чтобы отметить сотую годовщину смерти Пушкина. Почему же нам так радостно? Пушкинское торжество есть торжество ленинско-сталинской национальной политики, ибо Сталин, Сталинская Конституция вернули Пушкина его народу, его народам, о которых он так душевно говорил в «Памятнике».

Детство и юность Пушкина проходили в то время, когда

Метались смущенные народы;

И высились и падали цари;

¹ Доклад на Торжественном Пушкинском заседании в Большом Театре СССР 10 февраля 1937 г. («Правда» 11/II—1937 г.).

И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари,

то есть когда отгремели уже грома Французской буржуазной революции и Наполеон, «мятежной Вольности наследник», со своими армиями чистил «авгиевы конюшни» феодальной Германии.

Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,

И самовластие лишь север укрывал.

Самодержавно-крепостническая Россия стала оплотом европейской феодальной коалиции. Либеральные обещания начала царствования Александра I вылились в усиление крепостнического гнета. В стране вспыхивали крестьянские восстания. Среди армейского дворянства родилось революционное движение, которое привело к декабрьскому восстанию 1825 г.

Первые жизненные впечатления детства Пушкина составили, однако, не эти политические события (их восприятие пришло позже, в лице), а сказки няни Арины Родионовны и французские книги из библиотеки отца. Пушкин-ребенок пристрастился к галантной лирике французов: Парни, Грекура, Грессе, «Ванюши Лафонтена».

Немудрено, что ученические годы Пушкина-лицейста стали и ученическими годами Пушкина-поэта. Французская книжная литература на первых порах даже как будто одержала верх над сказками няни, — она была более созвучна миру отроческих восприятий и чувствований.

Любовь, дружба, вино — вместителище счастья — таковы мотивы первых лицейских опытов Пушкина.

Чуть позже вливается в ученическое творчество Пушкина новая, модная романтическая струя «унылых элегий».

Но неправильно было бы думать, что только этими мотивами исчерпывается ранняя муза Пушкина. Ведь и Ленский

...из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты.

Идеи Французской революции 1789 года, идеи революционной по тому времени буржуазии выражались в определенных философских и поэтических понятиях и образах. Так, борьба против тирании и фанатизма, против рабства и предрассудков означала борьбу против

абсолютистско-феодалного строя и религиозно-церковной идеологии. На их место хотели поставить свободу, равенство, законы, обосновывая их естественным правом, как высшим законом. В истории искали идеальные образцы и находили их в естественном состоянии первобытного человека и в республиканском Риме.

И вот у 16-летнего Пушкина уже встречаются такие мотивы:

Я рабство ненавижу...

Свободой Рим возрос, а рабством погублен.

Эти ранние мотивы гражданской лирики укреплялись у Пушкина в общении с Чаадаевым, и накануне окончания лицея у него уже была налицо сильнейшая оппозиция самодержавно-крепостническому строю. Он не хотел быть ни писарем, ни уланом, ни капитаном, ни ассессором, —

Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак.

Высокого, прямо революционного звучания эти мотивы достигают у Пушкина в оде «Вольность», написанной под впечатлением «Вольности» Радищева. Здесь налицо все поэтические элементы революционной традиции естественного права. Пушкин — против союза тирании и фанатизма («Власть в сгущенной мгле предрассуждений»), против рабства («езде бичи, везде железы, законов гибельный позор»). Пушкин требует свободы и законов («с Вольностью Святой законов мощных сочетанье») и обосновывает все это естественным правом:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон — а не природа —
Стоите выше вы Народа,
Но вечный выше вас Закон.

Такого политического жанра русская литература еще не знала, а между тем он составлял у Пушкина нерв его поэтического творчества.

В один и тот же 1817 год Пушкин создает задушевно-лирическое, уже по-настоящему пушкинское — «Простите, верные дубравы» и революционную оду «Вольность». В одно и то же время Пушкин пишет скорбно-гневную «Деревню» и увлекательного «Руслана», в котором еще неуверенно поэтически прощупывает

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой

и вполне уверенно рвет со старой поэтической традицией.

Гравюра В. Фаворского, 1935 г. А. С. Пушкин.

Ясно, что против Пушкина выступили не только литературные шишковисты, но и далеко нелитературные жандармы, и в 1820 году Пушкин — это общеизвестно — оказался в ссылке на юге. Ссылка не сломила духа Пушкина. В эти годы он создает «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», начинает «Евгения Онегина», замышляет «Цыган». Его яacobинские настроения в эти годы не подлежат сомнению.

Но нет, мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся, —

пишет он В. Л. Давыдову. Именно потому, что вольнолюбивые желанья лишь крепили у Пушкина в южной ссылке, она оказалась в глазах правительственных кругов недостаточной, и уже в 1824 году поэт пишет Языкову:

Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнании,
Влачу закованные дни.

В селе Михайловском Пушкин создает свой шедевр — «Бориса Годунова», переходя, таким образом, от Байрона к системе «отца нашего Шекспира», что было естественным и закономерным этапом в творческом развитии Пушкина, подсказанным всеми его предшествовавшими творческими исканиями.

После поражения декабрьского восстания 1825 года Пушкин, отправленный с фельдъегерем в Москву, едет договариваться и улаживать с Николаем I относительно дальнейшего своего бытия. Но силы неравны — и поэт вынужден к уступкам, однако, отнюдь не к принципиальным.

«Стансы» 1827 года — не капитуляция, а условия, которые ставит Пушкин Николаю. Он выдвигает широкую программу: искренность правительственной политики, служение народной правде, развитие наук, просвещения, промышленности, возвращение декабристов. Одновременно Пушкин направляет декабристам, чтобы поддержать их дух, свое знаменитое стихотворение «В Сибирь». К тому же 1827 году относится и «Арион», в котором Пушкин осмысливает свою политическую судьбу и подчеркивает верность своим взглядам:

Рисунок Пушкина. Вольтер.

Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Нужно понять, что Пушкин в эти годы больше, чем когда-либо, был в плену, в когтях у царя, что в 1827 году против него было возбуждено дело в связи с отрывком из «Андрея Шенье», что в 1829 г. было поднято еще одно дело в связи с «Гавриилиадой», и тогда станет ясно душевное состояние Пушкина, вылившееся в такой шедевр, как «Бесы», — это образное и вдохновенное раскрытие темных сил николаевской России. Гнет самодержавия усугубился травлей литературных мещан — Булгарина, Греча и им подобных царских угодников и холопов. И вот могучий «Пророк» 1826 г. — пушкинский идеал поэта — с вещими зеницами, чтобы видеть людскую скверну, с жалом мудрой змеи, чтобы глаголом жечь сердца людей, через «Поэта» 1827 г., который «людской чуждается молвы», сменяется «Поэтом» 1830 г., не требующим награды за подвиг благородный и идущим дорогою свободной, куда влечет его свободный ум.

А свободный ум Пушкина влек его к художественному познанию глубин сердец и страстей человеческих, к образному выявлению вольнолюбивой народной души русской. В эти годы (1830—1835) Пушкин заканчивает бессмертного «Евгения Онегина», создает «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя», «Пир во время чумы». И в эти же годы Пушкин дает потомству «Повести Белкина», «Историю села Горюхина», цикл сказок с весьма недвусмысленным отношением к попам и царям. Проблема путей и судеб человеческих, народных, государственных поднимается на поистине недостижимую высоту в «Медном всаднике», и «Ужо тебе!» Евгения, брошенное им в лицо кумиру на бронзовом коне, звучит как объявление прав личности, как заявление о достоинстве индивида.

Нет, конечно, Пушкин был неудобен самодержавно-крепостническому режиму в целом, и было решено убрать его. И вот нашлись доброхотные инквизиторы, учинившие Пушкинцу невыносимые пытки, нашлись утонченные приемы великосветской облавы и травли, нашелся международный проходимец, — и не стало Пушкина, величайшего русского поэта.

Царизм мог физически убить Пушкина, но не был в состоянии лишнить народ пушкинского языка и пушкинской литературы, ибо пушкинский язык стал русским литературным языком и пушкинская литература — новой русской литературой.

Язык — существенное начало каждого народа, ибо без языка нет и народа, но язык — историческое явление, он изменяется во времени. Ко времени Пушкина уже чувствовалось несоответствие русского языка «образу мыслей и чувствований» русского же народа. Пушкин считал создание литературного языка важнейшим политическим делом: «только революционная голова, — писал он в 1822 году, — подобная... Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Ломоносов уже сделал свое дело — «основал словесность своего отечества», но ко времени Пушкина ломоносовский язык явно устарел.

Нам трудно сейчас оценить все дело Пушкина, потому что он создал не новый язык для литературы, а новый русский литературный язык, наш язык, на котором мы говорим. Этот язык был создан Пушкиным единственно правильным и простым путем: при опоре на исторические формы языка в древних памятниках народной словесности и на живую, разговорную народную речь. Однако, по мысли Пушкина, литературный язык не должен полностью совпадать с языком разговорным. У самого Пушкина налицо и специфические литературные обороты, и простые общежитийские слова, и старописьменные элементы, но все это сливается в единый, чарующий слух, одновременно пластический и музыкальный язык Пушкина. Это очарование слияния разнородных языковых элементов и составляет тайну поэтической формы Пушкина.

Один язык еще не составляет литературу, слово само по себе мертво, жизнь ему дает мысль. Слово поэта, так сказать, не должно быть умнее, красивее заложенной в нем мысли. Отсюда требования Пушкина, которые привели его к реализму, к новой русской литературе. «Точность и краткость, — писал он, — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». Пушкин был за просторечие, но отнюдь не за простомыслие.

Ясно, что при таких установках Пушкин не мог остановиться ни на классицизме, ни на романтизме.

Решительно нужно было искать для русской литературы иных, новых путей. «Утомленный вкус, — писал Пушкин в предисловии к «Борису Годунову», — требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии». Истина искусства, таким образом, по Пушкину — не в условной схеме классицизма и не в преувеличенной односторонности романтизма, а в правдоподобию, «в истине страстей, правдоподобию чувств-

вований, в предполагаемых обстоятельствах», в «правдоподобии характеров и положений». Все эти черты и характеризуют его собственное творчество, да и как же иначе, когда целью трагедии, идеей высокого искусства должны быть по Пушкину «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная». Художественному раскрытию этих идей служит и «Борис Годунов», и «Евгений Онегин», и «Дубровский», и «Медный всадник», и «Пророк», и «Памятник». Так пушкинский реализм положил начало новой русской литературе.

И если Пушкин впитал в себя и русскую народную словесность, и достижения мировой литературы, то он и оказался тем могучим древом русской литературы, на котором выросли Лермонтов и Гоголь, Некрасов и Щедрин, Толстой и Достоевский, Чехов и Горький, ибо Пушкин первый дал нам художественную энциклопедию русской жизни.

И если раньше загнанный на задворки культурной жизни, лишенный средств просвещения народ был отторгнут от своего поэта, то ныне, в эпоху Сталинской Конституции, он навсегда обрел своего певца.

В этот торжественный час нет ни одного завода, ни одного колхоза, ни одной красноармейской части, ни одной школы, где бы не звучало слово Пушкина и не отдавалось могучим эхом в наших сердцах.

Душа Пушкина в заветной лире пережила его прах и убежала тленья, ибо была народной душой, и к нерукотворному памятнику Пушкина нас привела народная тропа социализма.

Гордости человека, познанию им своего достоинства учил нас на заре нашей литературы великий Пушкин.

Чести, доблести, славе и героизму социалистического труда, в котором вся наша человеческая гордость и все наше человеческое достоинство, научил нас товарищ Сталин. (Продолжительные аплодисменты).

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1837 - 1937

2-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937